

УДК 930.23

Егоров Д.И.

Московский государственный областной университет

КРИТЕРИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ И РОЛЬ ИДЕОЛОГИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ИСТОРИИ Х. УАЙТА

D. Yegorov

Moscow State Regional University

CRITERIA OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE AND ROLE OF IDEOLOGY IN H. WHITE'S LINGUISTIC THEORY OF HISTORY

Аннотация. Неуклонное расширение исследовательского пространства исторической науки происходит под воздействием активной интеграции различных дисциплин. Однако некритическое заимствование методик ведет к потере понимания специфики изучаемого предмета. В противовес традиционному историографическому анализу, американский историк Х. Уайт использовал средства литературной критики в исследовании исторических текстов XIX в. и пришел к выводу о художественной природе исторического познания. В статье рассмотрены взгляды Уайта, на основе которых концепции исторического развития не могут иметь статус научных и приобретают «объективное значение» лишь в соответствии с идеологическими дискурсами. Ретроспективный анализ данных убеждений позволяет видеть в них результат неконструктивной критики прежней историографической практики в период обновления теоретико-методологической базы исторической науки во второй половине XX в.

Ключевые слова: лингвистический поворот, дискурс, парадигма, когерентность, идеологический подтекст, детерминизм.

Abstract. Steady expansion of the research space of historical science occurs under the influence of active integration of various disciplines. However, noncritical methodology adoption results in the loss of understanding of the studied subject specificity. Unlike the traditional historiographic analysis, the American historian H. White to resorted to literary criticism while researching the historical texts of the XIXth century and came to the conclusion that historical cognition has an artistic nature. The article examines H. White's views on the basis of which the concepts of historical development cannot have a scientific status. They acquire "objective value" only in accordance with ideological discourses. The retrospective analysis of the views given shows them as a result of nonconstructive criticism of the historiographic practice in the period of renovating of the theoretical and methodological base of historical science in second half of the XXth century.

Key words: linguistic turn, discourse, paradigm, coherence, ideological implied sense, determinism.

Идеи одного из основоположников «лингвистического поворота» в истории Х. Уайта, «разоблачившего» миф о сциентизации исторического знания в XIX в. и «определившего» поэтическую структуру исторического познания, широкого и общепризнанного воплощения в практике собственно историографического исследования так и не получили. К настоящему времени понятийный аппарат и методология Х. Уайта последовательно не применяются в характеристиках и анализе творчества историков и философов истории исследователями не «нарративистского» направления, да и таких остается все меньше. Конкретно-практическая несостоятельность подхода, после долгих дискуссий о его перспективе, дает основания рассматривать его в ретроспективной стезе. Сам «лингвистический поворот» стал лишь одним из нескольких произошедших за последнее время методологических поворотов, и современная историческая наука развивается скорее как альтернатива структуралистским и постструктуралистским представлениям, а не как их дальнейшее производное.

Статья наиболее значимого отечественного исследователя творчества Х. Уайта М.А. Кукарцевой, посвященная юбилею историка, подводит итоговую черту после пика несколько запоздавшего интереса к «Метаистории» в России. Итоговыми можно считать и завершающие статью слова: «Риторико-спекулятивный подход, который предложил Уайт в качестве метода исторических исследований, не вполне адекватен сегодняшним реалиям исторической науки; возможно, что он не вполне адекватен исторической науке вообще; но парадокс в том, что и вне этого подхода история как дисциплина уже не возможна.» [4, с. 34] Данный парадокс особенно характерен для «новой интеллектуальной истории», где происходит теоретическое осмысление родственных связей истории и литературы; осмысление проблемы того, на каких, собственно, основаниях историки утверждают, что повествуют достоверно о прошлом, а не занимаются вплетением фактов в сконструированные их воображением образы, картины, сюжеты. Понимая, что риторические формы играют активную смысловую роль в исторических текстах, историк должен быть внимателен к их рефлексии, подвергать критическому самоанализу используемый лингвистический арсенал, дабы отображаемое им прошлое не обрастало не специфическими для него чертами [2, с. 23].

Меж тем, всякое смешение действительно и формального, в случае с Уайтом – сведение познания прошлого к литературной критике исторического текста, свидетельствуют о выстраивании дальнейшей цепи рассуждений на основе ложных убеждений. Эти убеждения наиболее четко проявляются в рассуждениях Уайта о том, какие критерии определяют научность знания, и вывод, что история не соответствует этим критериям, а также в рассуждениях о роли противоборствующих идеологий в конструировании взаимоисключающих картин исторического развития.

Конечно же, Уайт не отрицает эмпирической данности прошлого, его критика обращена к теоретическому и философскому

уровням исторического знания. Концептуализация здесь, по его мнению, имеет не когнитивный, а дискурсивный характер, то есть зависит не от природы фактов, а от той повествовательной формы, в которой они будут изложены [9, с. 23-24]. По каким же критериям определять, создана теория научным или не научным путем? Уайт рассуждает следующим образом: «Прогресс естественных наук происходит на основе соглашений, достигаемых время от времени между членами устоявшихся сообществ ученых о том, что считать научной проблемой, какую форму должно иметь научное объяснение и какие типы данных решено считать доказательством истинно научного подхода к реальности. Среди историков такого соглашения нет и никогда не было. Это может отражать всего лишь протонаучную природу дела историографии, но важно иметь в виду, это врожденное несогласие, относительно того, что считать специфически историческим объяснением любой данной совокупности исторических феноменов» [9, с. 32].

Налицо известная ошибка некорректного сопоставления критериев достоверности исторического знания с критериями естественных и точных наук [11, р. 10]. При этом для характеристики научного знания Уайт широко использует понятие «парадигма», в первичных формулировках Т. Куна, как конвенциональное согласие научного сообщества в исключительности определенной фундаментальной теории с ее методологическими средствами [5, с. 236-243]. Также Уайт сравнивает историю с физикой XVI в., где картины мира строились от разных метафизических образов и состояние знания можно определить как протонаучное. Данное положение объясняется тем, что тогда в физике не было надежных средств для наблюдения и опытов, невозможно было создать доказанные системные представления и от них выводить аргументацию дедуктивно-номотетическим путем.

Отсутствие возможности непосредственного наблюдения и проверяемого опыта не означает, что историки не могут получать объективную информацию из источников,

отражающих не только взгляды автора, но и бывшую социальную действительность. В употребляемый же термин «парадигма», в строгом понимании, не попадает не только история, но и весь комплекс социально-гуманитарного знания. Это обусловлено многоаспектностью социально-исторических феноменов, диалектическом переплетением в них субъективного и объективного, присутствием потенциала альтернативного развития. Что, собственно, и предполагает, а порой и требует, наличия различных исследовательских позиций, каждая из которых может заключать в себе «рациональное зерно» [3, с. 456]. Не конвенциональное согласие определяет значение полученного исторического знания, а его когерентные способности, то есть возможность дополнять и включаться в систему накапливаемого опыта. Так, Уайт противопоставляет исторические концепции в гегельянстве, романтизме, позитивизме, марксизме как противоречащие друг другу в представлениях о том, что представляет собой картина исторического развития и что подразумевается под его объективным содержанием. Причины противоречий он видел в использовании различных повествовательных стратегий и дискурсивных практик, что якобы и составляло теоретическое содержание этих концепций. Скорее оправданно рассматривать эти концепции как дополняющие друг друга, во взаимной критике раскрывавшие новые аспекты исторического знания. Гегель раскрыл диалектические законы социального развития, в романтизме закрепился принцип историзма, позитивизм способствовал развитию вспомогательных исторических дисциплин, Маркс обосновал роль материальных факторов в истории. Все обозначенное и является индикатором научного подхода, определяющего объяснение по сущностным признакам, а не по формальным – нарративным характеристикам. Рациональное содержание концепций, а не дискурсивное, определяет их эпистемологический потенциал.

Только убеждение Уайта в ненаучности истории дало ему оправдание в подклю-

нии средств литературной критики к анализу структуры исторического познания и отождествлении его с художественным творчеством. Само это убеждение лишь продукт своего времени, когда в университетах США пересматривались догмы позитивистской историографии, его Уайт оценил не исторически, что послужило поводом к поиску причин непознаваемости прошлого, смешению вымысла и реальности.

Другим убеждением Уайта, легшим в основу его концепции «эстетического историзма», стало представление, что этико-идеологические предпочтения историков являются причинными по отношению к интерпретации характера исторического развития. «Помоему, не существует внеидеологических оснований, по которым можно было судить о конфликтующих концепциях исторического процесса и исторического знания, к которым апеллируют различные идеологии. Ибо, поскольку эти концепции восходят к этическим соображениям, данная эпистемологическая позиция, исходя из которой можно судить о их когнитивной адекватности, сама по себе представляла бы лишь еще один этический выбор... Я не могу и утверждать, что одна концепция исторического знания более «научна», чем другая, не проявляя предвзятости в отношении того, чем должны быть специфически историческая или социальная наука» [9, с. 46]. Так, консерваторы и либералы непременно представят историческое развитие в эволюционном виде, радикалы – в виде революционных скачков, анархисты – как регресс.

Причины этих представлений Уайт видит в лингвистических основаниях. Он рассматривает идеологическую позицию автора как подтекст в структуре нарратива, который для эффекта убедительности должен соответствовать определенному литературному жанру, формируя предписания к формальным и содержательным свойствам произведения. Лингвистическая теория истории оправдывает за своим видением различных картин исторического процесса не более чем различные виды прозаического дискурса, де-

терминированного практикой конструирования значений на основе художественных форм языка.

Удивительно то, что представители «лингвистического поворота» и постмодернизма обвиняют историографические школы в сведении исторического развития к каким-то первичным основаниям, в той мере, в какой они считают целесообразным, в соответствии со своей этикой. Иными словами, для них детерминизм – это всегда идеологическая предвзятость. Хотя сами «нарративисты» кладут анализ языка в основу всех представлений о культуре и человеке, по сути, видя в нем эти первичные основания [8, с. 25-30]. Равным образом и у Уайта лингвистический инструментарий автора формирует текст с характерной идеологической позицией, которая рассматривается не как проявление объективной социальной действительности, а как риторическое предпочтение. Здесь обнаруживается то представление, где язык рассмотрен не как символическое отражение реальности в сознании, а как самодовлеющая сила, создающая не только познание, но и саму реальность.

Но является ли сама лингвистическая теория Уайта деидеологизированным средством критики этически окрашенных концепций исторического развития? По идее, данная критика должна исходить из иных оснований. Фактически это претензия – в рамках социального познания выработать внесубъективную позицию, лишённую идеологических интенций, чего никогда не было. Крайне сомнительно; скорее, это неучет тех социокультурных рефлексий, под которыми сформировалась исследовательская позиция. А взгляды Уайта формировались в среде студенческих протестов 60-х гг. против тогдашней системы образования, участником которых был и он сам. Для студентов-историков было неприемлемо господство тогда политической истории, но отсутствие средств для реальной борьбы привело лишь к радикальному обвинению всей исторической науки в идеологической предвзятости [1, с. 27-28]. С течением временем, в конце 80-х

гг., когда рухнула социальная история в духе теории модернизации, идеи Уайта вышли из своего маргинального положения. Они включились в постмодернистское мировоззрение, органично сочетавшееся с глобальной масс-культурой и характерным отношением к историческому наследию как метафоротворчеству, конструирующим идентичности, апеллируя к прошлому. Сам Уайт так и остался радикалом, и в своих оценках стал все менее категоричен, рассуждая о нерациональной и необъективной природе исторического познания [10, с. 159].

Современное прочтение «Метаистории» показывает, что это была книга своего времени. Мало кто из историков сейчас воспримет ее как откровение, определяя троп, под воздействием которого он пишет текст, его сюжет, тип формального доказательства или идеологический подтекст. С другой стороны, прекратились панические настроения, предупреждающие конец историографии, а нарративный анализ стал неотъемлемой частью источниковедческого исследования. В России с «Метаисторией» познакомились в период критики якобы дискредитировавшего себя исторического материализма, и казалось, что с приходом «лингвистического поворота» разрушатся последние надежды объективного взгляда на прошлое. Меж тем отмечались и положительные черты этого вызова: отказ от упрощенных взглядов на субъекты истории с позиций культурного и социального редукционизма, понимание, что история – не «служанка идеологии», поиск реальности вне дискурса, осторожность в междисциплинарных заимствованиях, дабы собственный предмет сохранял свою специфику [7, с. 124-134].

Но необходимо отметить и сохраняющиеся отрицательные последствия «лингвистического поворота». Хотя история и сохранила свой научный статус, не став разновидностью литературного творчества, когерентные критерии исторической истины стали неразрешимой проблемой исторической эпистемологии [6, с. 270-274]. Историческая истина сейчас – все более лишь прагматический аспект методологической установки или эк-

зистенциональное предпочтение историка. Что касается критики в «лингвистическом повороте» риторики идеологических курсов «метанарративов», то она повлекла за собой кризис идентичности, в которой люди осознавали бы общее в исторических путях. Историческое сознание замкнулось в рамках этнических, гендерных, профессиональных групп и т.д. Идеология не ушла из исторических представлений, она лишь перестала быть тотальной. Но и следствием установки на безграничную толерантность и бесосновательный плюрализм явились фрагментарность и мозаичность знания, что стало препятствием к историческому синтезу, в проектах которого усматриваются лишь претензии установления диктата определенной интерпретации.

Идеи Уайта об активной роли риторических форм в исторических объяснениях и неустранимости идеологического подтекста из представлений об историческом процессе сохраняют определенное значение и сейчас. Критике подверглась интерпретация этих идей с позиции гносеологического релятивизма, характерной для Уайта. В историографическом аспекте методологическая установка историка неразрывна с мировоззренческими взглядами и социальными условиями, существующими в конкретный исторический период. Ошибкой Уайта видится попытка создания внеисторического взгляда на историческое познание путем выявления относительно устойчивых лингвистических элементов в его структуре. Однако внеисторических взглядов не бывает, есть только антиисторические, следование которым сти-

рает грань между вымыслом и реальностью, определяет прошлое как непознаваемое, что свидетельствует о непонимании историком тех рефлексий, под воздействием которых сложилась его исследовательская позиция.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. – М.: Канон+:РООИ «Реабилитация», 2010. – 400 с.
2. Зверева Г.И. Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // Одиссей. – 1996. – М.: Наука, 1996. – С. 11–23.
3. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М.: Наука, 2003. – 486 с.
4. Кукарцева М.А. Хейден Уайт и практика исторических исследований XX века // Диалог со временем. – 2008. – М.: Едиториал УРСС, 2008. – С. 8–34.
5. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
6. Мегилл А. Историческая эпистемология. – М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2007. – 479 с.
7. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.
8. Хвостова К. В. Постмодернизм, синергетика и современная историческая наука // Новая и новейшая история. – 2006. – № 2. – С. 22–33.
9. Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. – Екатеринбург.: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528 с.
10. Уайт Х. Ответ Иггерсу // Одиссей. – 2001. – М.: Наука, 1998. – С. 156–161.
11. Comtois M. Introduction to Historical method [Электронный ресурс] // Spinning Clio: [сайт]. [2010]. URL: http://cliopolitical.blogspot.ru/2005/08/introduction-to-historical_112482482753969170.html (дата обращения: 23.05.2013).